

Трофимова И. Н.

«МЕГАПОЛИС» И «ГЛУБИНКА» КАК МОДЕЛИ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИХ УСТАНОВОК РОССИЯН

Исследование проведено в рамках проекта «Гражданский активизм: новые субъекты общественно-политического действия» (2014 г.) при поддержке Некоммерческого Фонда – Института социально-экономических и политических исследований.

Трофимова Ирина Николаевна — доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН.
Россия, Москва, 117218, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5.

E-mail: itnmv@mail.ru

Тел.: +7 (495) 670 27 40

Аннотация. В статье исследуются вопросы влияния поселенческого фактора на формирование ценностных ориентаций и связанных с ними политических установок россиян. Для России характерна глубокая межпоселенческая дифференциация, что нашло своё отражение в типологизации поселений, учитывающей не только структурные элементы, но также уровень их развития. Агломерации Москвы и Санкт-Петербурга стоят на вершине в иерархической системе городов и в целом всех поселений, откуда идёт распространение инноваций в социальном пространстве России — от крупнейших и более развитых к менее крупным и развитым типам поселений. Различные типы поселений обуславливают специфику ценностных ориентаций, рассматриваемых в статье как модели «мегаполиса» и «глубинки». Рассмотренные модели «мегаполиса» и «глубинки» позволяют выявить ценности как объединяющие, так и разделяющие россиян, к тому же находящиеся в сложном и противоречивом взаимодействии и постоянной динамике. Большинство россиян едины в своём стремлении к социальной справедливости и стабильности. В то же время жителей мегаполиса отличает более выраженная ориентация на индивидуальные, рациональные, активистские ценности, а жителей глубинки, напротив, на коллективистские, нормативные, патерналистские. Ценностная структура мегаполиса также отличается своим разнообразием, одновременным присутствием ценностей и установок либеральной, консервативной и социал-демократической направленности, что предполагает возможность выбора и, следовательно, большей индивидуальной свободы. Если мегаполисы концентрируют ресурсы для выработки новых ориентиров, в известной степени формируя в настоящем ценности будущего, то глубинка обеспечивает их устойчивость и преемственность, и лишь баланс этих двух противоположностей гарантирует динамичность и преемственность социального развития.

Ключевые слова: поселенческий фактор, типы поселений, ценностные ориентации, политические установки, модели.

Изучение ценностных ориентаций представляет собой актуальное направление в современных социальных исследованиях. Функция ценностей заключается в создании упорядоченной и осмысленной картины мира, на основе которой отбираются средства и цели деятельности, происходит согласо-

вание действий людей, осуществляется социальное регулирование. Проблема ценностных ориентаций россиян в последнее время привлекает к себе особое внимание в значительной степени по причине отсутствия ценностного консенсуса по большинству актуальных проблем развития российского общества. Достижение социального согласия необходимо для реализации стратегических целей в повышении качества и уровня жизни населения, обеспечения национальной безопасности, модернизации социальных и политических институтов. Неопределённость и противоречивость ценностных ориентаций различных групп и слоёв, отсутствие устойчивых институтов, призванных воплощать общегражданские ценности в жизнь, обуславливают формирование конфликтной среды. Ценностные конфликты стали частью повседневной жизни россиян, разделив их, в том числе, по месту проживания — вернее, по той совокупности мировоззренческих и поведенческих признаков, которые присущи жителям того или иного типа поселения.

Одним из признаков неоднородности социального пространства России является неравномерное распределение населения по типам поселений. Типы поселений — исторически сложившиеся, обусловленные разделением труда формы социальной и пространственной организации общественного производства и обитания населения. Структурными элементами типов поселений в нашей стране являются село, посёлки городского типа, малые, средние и крупные города. Типы поселений отличаются условиями занятости, отраслевой и квалификационной структурой труда, структурой и динамикой материального и духовного потребления, численностью и социально-демографическим составом населения, уровнем развития социальной инфраструктуры. Для России характерна глубокая межпоселенческая дифференциация, что нашло своё отражение в типологизации поселений, учитывающей не только структурные элементы, но также уровень их развития. Так, исследователи выделяют четыре типа поселений: 1) крупнейшие агломерации Москвы и Санкт-Петербурга и города-миллионники; 2) средние и крупные промышленные города и средние города — центры муниципалитетов; 3) сельские поселения; 4) поселения в слабо развитых республиках Северного Кавказа и юга Сибири [Россия регионов..., 2005: 9]. При этом сложилось достаточно устойчивое представление, что размеры и статус поселения обуславливают уровень его экономического и социального развития. В данном контексте агломерации Москвы и Санкт-Петербурга стоят на вершине в иерархической системе городов и в целом всех поселений, откуда идёт распространение инноваций в социальном пространстве России — от крупнейших и более развитых к менее крупным и развитым типам поселений.

Проблема неоднородности социального пространства нашла своё отражение в работах ведущих социологов, начиная от классических работ Э. Дюркгейма, Г. Зиммеля, П. Сорокина и включая современные исследования, акцентирующие внимание на взаимосвязи и взаимообусловленности элемен-

тов социальной системы. Согласно П. Бурдьё, социальные топосы функционируют в виде неравного распределения различных видов капитала, благ и услуг, типизирующего релятивные позиции социальных агентов [Бурдьё, 1993: 40]. Важным моментом является выделение двух аспектов жизнедеятельности социума. С одной стороны, речь идёт о «реальности первого порядка», связанной с физическим пространством и распределением материальных ресурсов, с другой – о «реальности второго порядка», существующей в сознании людей. Социальное пространство – одновременно и форма существования общественных отношений, и продукт деятельности человека, объективное содержание мышления, реализованное в словах, действиях, институтах, объективно существующее и подчиняющее себе поведение людей. Важно и то, что взаимодействие обеих реальностей происходит не только в пространственном, но и временном измерении, в результате чего образуется многомерный пространственно-временной континуум, в котором взаимодействуют «старые» и «новые» нормы и ценности. В данном смысле различные типы поселений можно рассматривать как формы одновременно пространственной и ценностной организации социальной жизни.

Другая линия анализа основана на совокупности теоретических положений относительно глобальных изменений в ценностной структуре современного общества. В частности, речь идёт о снижении значения социетальных, коллективистских ценностей и распространении в обществе ценностей личной автономии, самовыражения и самореализации, индивидуальной свободы [Giddens, 1979; Инглхарт, Вельцель, 2011]. При этом изменение ценностей в разной степени коснулись населения отдельных стран. Указанные тенденции характерны в первую очередь для развитых постиндустриальных обществ, которые оказались более восприимчивы к новым идеям и способам аргументации, альтернативным смыслам, ценностям и нормам [Changing Values..., 2008: 6]. Таким образом, неравенство социального пространства проявляется не только в различном уровне развития отдельных территориальных сообществ, но и в различии ценностных ориентаций их жителей. Более того, отдельные типы поселений фактически представляют собой хронотопы – специфические «времяпространства», отражающие сложную и противоречивую связь временных и пространственных отношений. Примером тому могут быть «мегаполис» и «глубинка», рассматриваемые в статье как модели ценностных ориентаций россиян.

Исследование осуществлено на основе результатов опроса населения РФ, проведённого Институтом социологии РАН в 2014 гг. по репрезентативной общенациональной выборке.

Объём выборочной совокупности исследования составил не менее 1600 респондентов, репрезентирующей взрослое (от 18 лет и старше) население РФ по параметрам пола, возраста, образования и типа населённого пункта проживания в 23 субъектах РФ, включая два мегаполиса (Москва и Санкт-Петербург). «Глубинка» в данной статье рассматривается не как традиционно понимаемая часть географического пространства, удалённого от центра и исключённого из потоков социальных ресурсов [Ильин, 2012], но как условная противоположность мегаполису, объединяющая крупные, средние и малые города и посёлки, что позволяет увидеть различия в структуре и содержании ценностных ориентаций и политических установок россиян.

Одним из факторов различия между ценностными ориентациями россиян является их оценка текущей ситуации в стране. Результаты исследования показывают небольшое, но всё-таки преобладание негативных оценок. Так, положительно оценивают сложившуюся ситуацию не более 40% россиян. Как напряжённая, кризисная представляется ситуация для 44% и как катастрофическая – для 8% опрошенных респондентов и 8% респондентов затруднились ответить на вопрос. Показательным является существенное различие в оценках жителей в зависимости от типа поселений: ситуация выглядит более позитивной для жителей мегаполисов, чем малых городов и сельской местности (см. рис. 1).

Рис. 1. Как Вы оцениваете нынешнюю ситуацию в России в целом в зависимости от типа поселения?, %

Отношение граждан к существующей ситуации во многом зависит от того, какие сферы жизни являются для них наиболее значимыми и как они характеризуются применительно к конкретным условиям того или иного типа поселения. Наиболее важной для россиян в целом сегодня является сфера финансового благополучия, в качестве таковой её отметили 93% опрошенных респондентов. Однако это не означает, что россияне в подавляющем своём большинстве поклоняются «золотому тельцу», скорее они поставлены в такие условия, когда фактор финансового благополучия становится

определяющим для состояния многих других сторон жизни. Об этом говорит и тот факт, что следующей по значимости сферой жизни идёт поддержание дружеских отношений и различных форм общения, а также востребованность и признание со стороны общества. Перспектива достижения финансовой независимости, в свою очередь, связана с повышением социального статуса и устойчивости социальных взаимосвязей, включая наличие работы или бизнеса, карьерное продвижение, поддержание значимых социальных отношений, сохранение здоровья и т. п. Примечательно, что значение образования оказывается далеко не в первом ряду. Возможность самореализации видится, прежде всего, в сочетании как коллективных (быть полезным обществу, следование общественным нормам), так и индивидуальных (жить интересной жизнью) интересов. Любопытным в этом плане является соотношение потребности жить в более справедливом и разумно устроенном обществе и готовности участвовать в общественно-политической жизни. Несмотря на то, что 87% опрошенных респондентов заявили о своей потребности жить в более справедливом и разумно устроенном обществе, только 24% указали на важность для них сферы общественно-политической жизни. В этом проявляется не только традиционный патернализм россиян, но и до сих пор не сформировавшееся общественное представление о взаимообусловленности уровня жизни, качества публичных институтов и активной гражданской позиции.

Степень важности отдельных сфер жизни для россиян также связана с типом поселения, в котором они проживают (см. рис. 2).

Фактор финансового благополучия оказывается доминирующим и в данном случае, но вместе с тем обнаруживается ряд характерных особенностей, позволяющих различать структуру жизненных приоритетов в разрезе типов поселений. Методологическим приёмом может служить выделение «уравнительных» и «достижительных» приоритетов. При некоторой аналогии с терминальными (конечная цель индивидуального существования стоит того, чтобы к ней стремиться) и инструментальными (определённый образ действий или свойство личности является предпочтительным в любой ситуации) ценностями [Rokeach, 1979: 48], данный подход, на наш взгляд, в большей степени учитывает восприятие людьми специфики окружающего их социального пространства. «Достижительные» приоритеты (бизнес, карьера) характерны в первую очередь для жителей мегаполисов, в то время как жители малых городов и посёлков делают выбор в пользу коллективистских составляющих своей жизни (семья, дружба, социальная справедливость). И даже

образование и здоровье здесь рассматриваются скорее сквозь призму равенства в доступности социальных услуг, нежели как условие карьерного или статусного роста. В этом обнаруживается принципиальное различие в моделях ценностных ориентаций и социального поведения жителей мегаполиса и глубинки. Дело здесь не столько в культурных различиях, рассматриваемых в диапазонах индивидуализма / коллективизма, самовыражения / выживания, независимости / включённости, и подробно проанализированных в работах авторитетных исследователей (Трианидис, Хофстеде, Шварц, Ядов и др.), сколько в структуре возможностей, определяемой конкретным типом поселения.

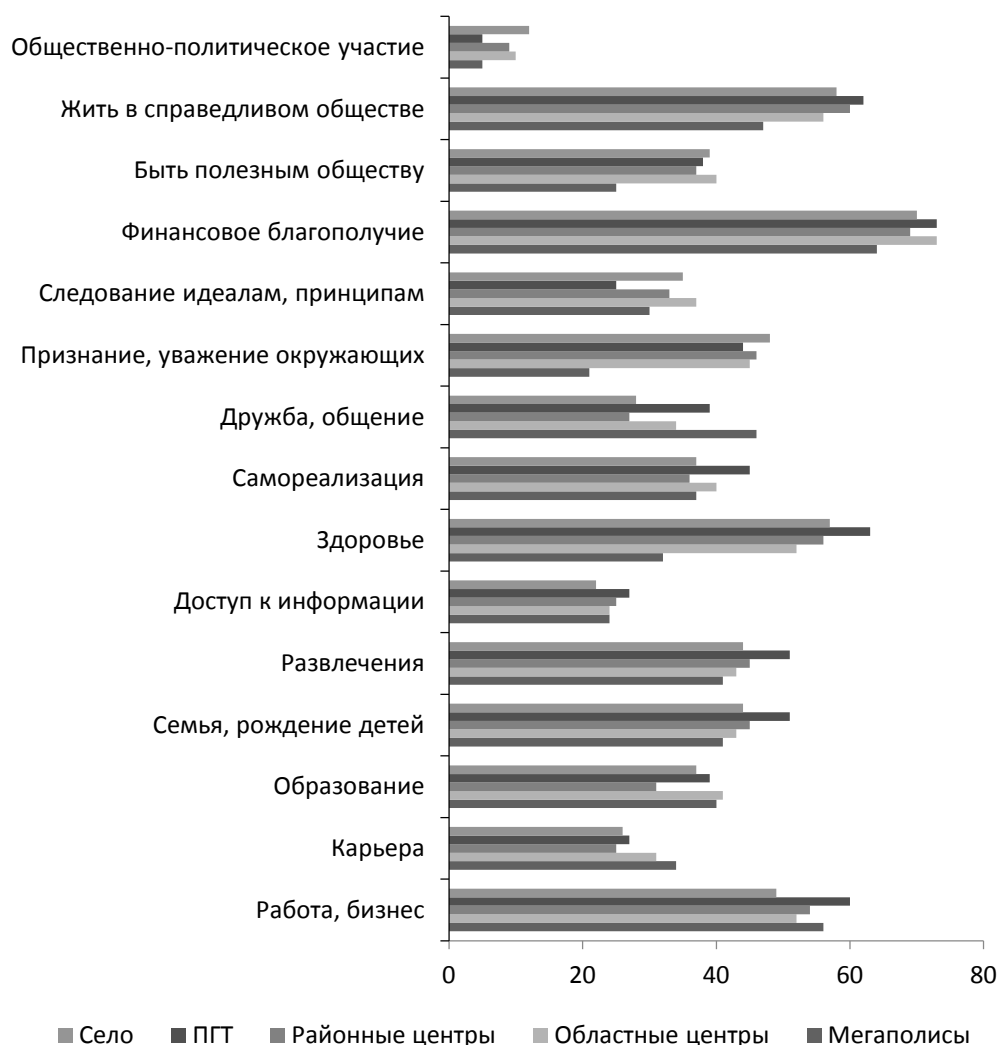

Рис. 2. Наиболее важные сферы жизни в зависимости от типа поселения, %

Для жителей мегаполисов решение социальных вопросов определяется возможностью достижения определённого статуса, позволяющего моделировать социальные отношения, исходя из индивидуальных или групповых предпочтений, связанных с принадлежностью к определённому социальному слою. Здесь прослеживается возможность индивидуального социального конструирования – представлений, статуса, отношений. Для жителей малых городов и посёлков индивидуальная результативность по своей важности стоит после коллективных интересов. Причастность семье, коллективу, местному сообществу формирует почву для большей готовности участвовать в решении проблем, значимых для всех. Притом, что из всех рассматриваемых сфер жизни респонденты меньше всего интересуются общественно-политической деятельностью, всё-таки именно жители сёл и малых городов проявляют к ней больший интерес, а наименьший – жители мегаполисов. По крайней мере, близость власти на низовых уровнях остаётся важным фактором гражданского участия, прежде всего, в различных практиках местного самоуправления.

Оценки состояния отдельных сторон жизни связаны также с осмыслением масштабов изменений (см. рис. 3). По мнению россиян, какие-либо позитивные изменения мало коснулись большинства населения, немногим лучше по этому параметру оценивается возможность участия в общественно-политической жизни (15%). Также на общем фоне выделяется мнение о том, что возможность улучшения материального благополучия была лишь у ограниченного круга людей (38%), очевидно, что за этим стоит недовольство граждан ростом материального расслоения общества. С точки зрения сужения возможностей для большинства, то негативно оцениваются, прежде всего, перспективы получения хорошего образования (27%).

Рис. 3. Как, по Вашему мнению, за последние годы в России изменилась ситуация с точки зрения возможности..., %

Что касается различий по типу поселений, то в глазах жителей мегаполисов сдвиги для большинства населения коснулись сферы участия в общественно-политической жизни, материального благополучия, профессионального роста и карьеры (см. рис. 4). Сельчане наравне с ростом материального благополучия отмечают также возможность заниматься предпринимательством. А вот возможность получения хорошего образования для большинства населения достаточно низко оценивается жителями всех типов поселений. Обращает на себя внимание отмеченная жителями села возможность заниматься предпринимательством, однако причиной тому послужило не столько развитие социально-экономического потенциала сельских поселений, сколько помощь со стороны государства. Возможность заниматься предпринимательством для сельчан имеет большое значение, что в известной степени сближает их с жителями мегаполисов, только для первых предпринимательство носит аграрный, а для вторых – в большей степени интеллектуальный характер. Позитивному сдвигу в структуре сознания селян, росту оптимистических настроений в немалой степени способствовала реализация национального проекта «Развитие АПК», нацеленного на развитие личного подсобного хозяйства, организацию кооперативов по закупке сельхозпродукции у населения и т. п. – всё это привело к росту занятости и повышению доходов сельского населения [Муханова, Жвитиашвили и др., 2014: 167].

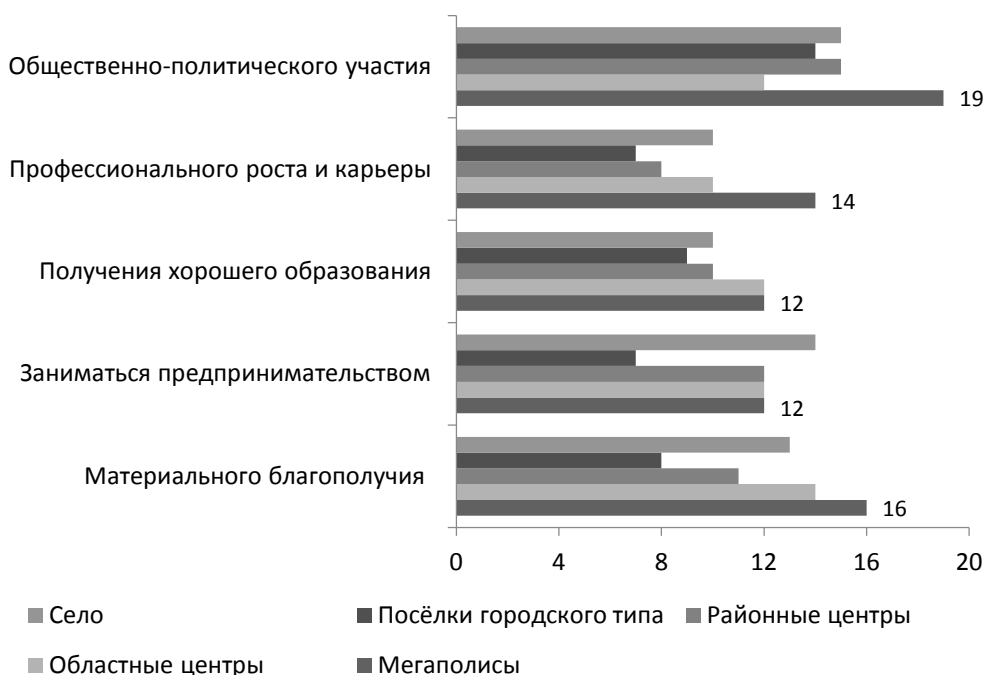

Рис. 4. Улучшилась ли за последние годы, по Вашему мнению, в России ситуация для большинства населения с точки зрения возможности... (в зависимости от типа поселения), %

Сравнение и ранжирование по степени значимости оценок отдельных сторон жизни жителями различных типов поселений позволило получить следующую таблицу (см. таблицу 1).

Таблица 1

Оценки жителями различных типов поселений отдельных сторон жизни по степени значимости

Мегаполисы	Областные центры	Районные центры	Село
Финансовое благополучие			
Работа, бизнес	Справедливое общество	Справедливое общество	Справедливое общество
Справедливое общество	Дружба	Дружба	Здоровье
Семья, рождение детей	Здоровье	Здоровье	Дружба
Образование	Работа, бизнес	Работа, бизнес	Работа, бизнес
Самореализация	Признание, уважение	Признание, уважение	Признание, уважение
Карьера	Семья, рождение детей	Семья, рождение детей	Семья, рождение детей
Здоровье	Образование	Быть полезным обществу	Быть полезным обществу
Дружба	Самореализация	Самореализация	Образование
Следование нормам	Быть полезным обществу	Жить интересно	Самореализация
Быть полезным обществу	Следование нормам	Следование нормам	Следование нормам
Доступ к информации	Жить интересно	Образование	Жить интересно
Жить интересно	Карьера	Карьера	Карьера
Признание, уважение	Доступ к информации	Доступ к информации	Доступ к информации
Общественно-политическая деятельность	Общественно-политическая деятельность	Общественно-политическая деятельность	Общественно-политическая деятельность
Необходимый уровень экономического развития	Равенство всех перед законом	Равенство всех перед законом	Равенство всех перед законом

Из данных таблицы видно, что мегаполис представляет собой отдельную ценностную модель, отличную от всех остальных¹. В известной степени, «различие между городом и деревней» в современной России уже является не столь

¹ В таблице не представлены посёлки городского типа ввиду их промежуточного положения между городом и сельским населённым пунктом.

актуальным. Гораздо большее значение имеет различие между мегаполисным типом поселения, с одной стороны, и остальными типами поселения, с другой, включая областные и районные центры, посёлки городского типа и село. Поэтому можно говорить не о четырёх или пяти ценностных моделях в соответствии с существующими типами поселений, но лишь о двух — мегаполисной (подразумевая агломерации Москвы и Санкт-Петербурга) и противостоящей ей «глубинке», к которой можно отнести и ряд региональных центров, чья роль обусловлена преимущественно административным статусом. Наконец, последняя строка таблицы показывает, как преломляются ценностные модели в представлениях о необходимом условии для развития демократии в России. Для жителей мегаполисов таким условием выступает высокий уровень экономического развития, для жителей глубинки — равенство всех перед законом.

Противопоставление мегаполиса и глубинки имеет комплексный характер. Мегаполис воплощает особый тип ментальности, для которого характерны индивидуализм, рациональность, свобода выбора. Концентрация и высокая плотность населения, дифференцированная социально-профессиональная и нередко этническая структура, многообразие стилей жизни, культурных стереотипов, ценностных ориентаций — всё это обуславливает специфику образа жизни, мышления и поведения современного жителя мегаполиса. В социальных взаимодействиях значительную долю занимают избирательные контакты, носящие рациональный и функциональный характер. Высокая плотность информационных потоков даёт возможность, а чаще уже вынуждает человека делать самостоятельный индивидуальный выбор. В современном информационно-сетевом обществе на первый план выходят именно внутренние, субъективные, а не коллективные параметры социального взаимодействия, что ещё больше усиливает гетерохронность социального пространства [Кастельс, 2000].

Возможность объединения сельских поселений, малых, средних и даже крупных городов в модели «глубинка» обусловлена не столько специфическими чертами, сколько их общим отличием от мегаполисного типа организации социальной жизни. На данное обстоятельство обращают внимание, прежде всего, исследователи влияния территориальных сообществ на социализацию подрастающего поколения [Мудрик, 2000]. «Глубинка» отличается большей стабильностью в составе жителей, меньшей социально-профессиональной и культурной дифференциацией. Отсутствие больших социальных и культурных различий между жителями, немногочисленность реальных и возможных контактов делают общение довольно тесным и охватывающим все стороны жизни. Особенно близки в своей ментальности жители сёл и малых городов: стабильность, устойчивость социальных взаимодействий здесь ценятся много выше, чем успех в карьере, склонность к инерции сильнее, чем к развитию.

На общем фоне выделяются оценки жителей посёлков городского типа (ПГТ), с одной стороны, придающих высокое значение ценностям финансового благополучия и самореализации, с другой стороны, ценностям семьи, дружбы и социальной справедливости (см. рис.2). При этом именно

жители ПГТ наиболее скептически оценивают перемены в отдельных сферах жизни, отмечая, что положительные изменения мало коснулись большинства населения (см. рис. 4). На наш взгляд, это связано с особенностями ПГТ, которые занимают промежуточное положение между городом и сельским населённым пунктом. Социально-экономический кризис 1990-х гг. наиболее сильно ударил именно по данному типу поселений, лишённому возможностей «манёвра» в рыночных условиях, какие имели, например, города за счёт более диверсифицированной экономики. По причине узкой специализации и удалённости большинства посёлков их жители не имеют возможности дополнительного заработка, как горожане, и не имеют возможности в полной мере поддержать себя при помощи натурального хозяйства, как сельские жители. Можно предположить, что именно промежуточный статус ПГТ обусловил поддержку их жителями одновременно «достижительных» и «уравнительных» приоритетов.

Безусловно, между отдельными типами поселений, отнесённых в логике данного исследования к «глубинке», существует множество различий, но тем более отчётливой становится проблема поляризации социального пространства России, когда речь идёт о немногих точках инновационного развития (а в случае мегаполисов — и просто единичных) и подавляющем большинстве поселений, фактических исключённых из этого процесса. Неравномерность российского социального пространства усугубляется не просто неравенством в распределении капитала, но также неравной включённостью территориальных сообществ в процессы капитализации имеющихся у них ресурсов. Крупнейшие мегаполисы с высоким уровнем жизни населения играют всё большую роль в стягивании демографического, инновационного и научно-образовательного потенциала. Происходит активное включение крупных городских региональных агломераций в мировую распределительную систему управления глобальными процессами. Учитывая, что в мегаполисах сегодня проживает 20–30% населения страны (в том числе с учётом временных жителей) [Зубаревич, 2011: 130–141], то можно говорить, что для современной России уже не так актуально традиционное разделение между городом и деревней, между индустриальным и аграрным типом общества. Речь идёт о разделении социального пространства между постиндустриальным (информационным) обществом и обществом индустриально-аграрным. И даже некоторые региональные столицы воспринимаются сегодня как провинциальные в силу своего незначительного потенциала и малой роли в модер-

низации окружающего социального пространства. Можно сказать, что идёт процесс «разрывания» социального пространства России между точками постиндустриального развития и огромным пространством традиционного, а порой и архаичного общества, имея в виду упадок и деградацию многих локальных сообществ по всей территории страны. Подобная тенденция говорит о неизбежном росте не только экономического и социального, но также культурного и информационного неравенства, об угрозе разрыва ценностного пространства.

Ценностные ориентации имеют значение также для понимания политических процессов, установок и моделей поведения, так как они представляют собой связующее звено между социальным и индивидуальным уровнем [Feldman, 2003: 480]. Результаты исследования показывают, что существуют глубокие противоречия как в структуре, так и во внутреннем содержании политических установок россиян. Если говорить о структуре политических установок, сформулированных в рамках данного исследования в виде кратких лозунгов, то 50% всех респондентов в первую очередь поддержали социальную справедливость. Следом идут лозунги: «Россия как великая держава, империя, объединяющая разные народы» (37%), демократические права и свободы (33%), сильная жёсткая власть и возвращение к национальным традициям (по 30%), «Россия для русских» — 21%, свободный рынок и либеральные ценности (10%), наконец, сближение с Западом (6%). Следует отметить, что демократические права и свободы занимают место между имперскими устремлениями и поддержкой авторитарного режима. Но и внутри блока демократических ценностей существует определённое противоречие. Если учесть, что главными из них являются свобода и равенство, которые по большей части понимаются как набор политических и гражданских прав на свободу и социальных прав на равенство (солидарность), то для российских граждан ценности свободы и равенства существуют не в общем дискурсе демократии, а в своём противопоставлении. Кроме того, они стали приоритетными для разных социальных групп и слоёв, наконец, они являются критическими характеристиками полярных моделей ценностных ориентаций — «мегаполиса» и «глубинки».

С одной стороны, это указывает на значимость демократии для значительной части россиян, а с другой — на противоречивость ценностной структуры, которая сложилась в общественном сознании, что можно считать следствием целой череды непоследовательных в своих целях и содержании преобразований, которые пережила наша страна за последние несколько десятилетий. Поэтому значение различных ценностей, как и их место в ценностной структуре, необходимо рассматривать с учётом данного фактора. Так, поддержка значительной частью населения авторитарного режима в виде сильной жёсткой власти, способной навести порядок в стране, идеи России для русских, империи, объединяющей народы, на наш взгляд, во многом можно объяснить реакцией на ослабление российского государства на протяжении 1990-х гг.

В максимальной степени объединило жителей мегаполиса и глубинки представление о социальной справедливости как наиболее желаемой перспективе для будущего России (см. рис. 5). Достаточно в равной степени жители различных типов поселений поддерживают демократические права и свободы, но также перспективы установления сильной жёсткой власти, способной «навести порядок». Поэтому нельзя говорить об отсутствии единого ценностного пространства, но и оно, в свою очередь, пронизано многими противоречиями.

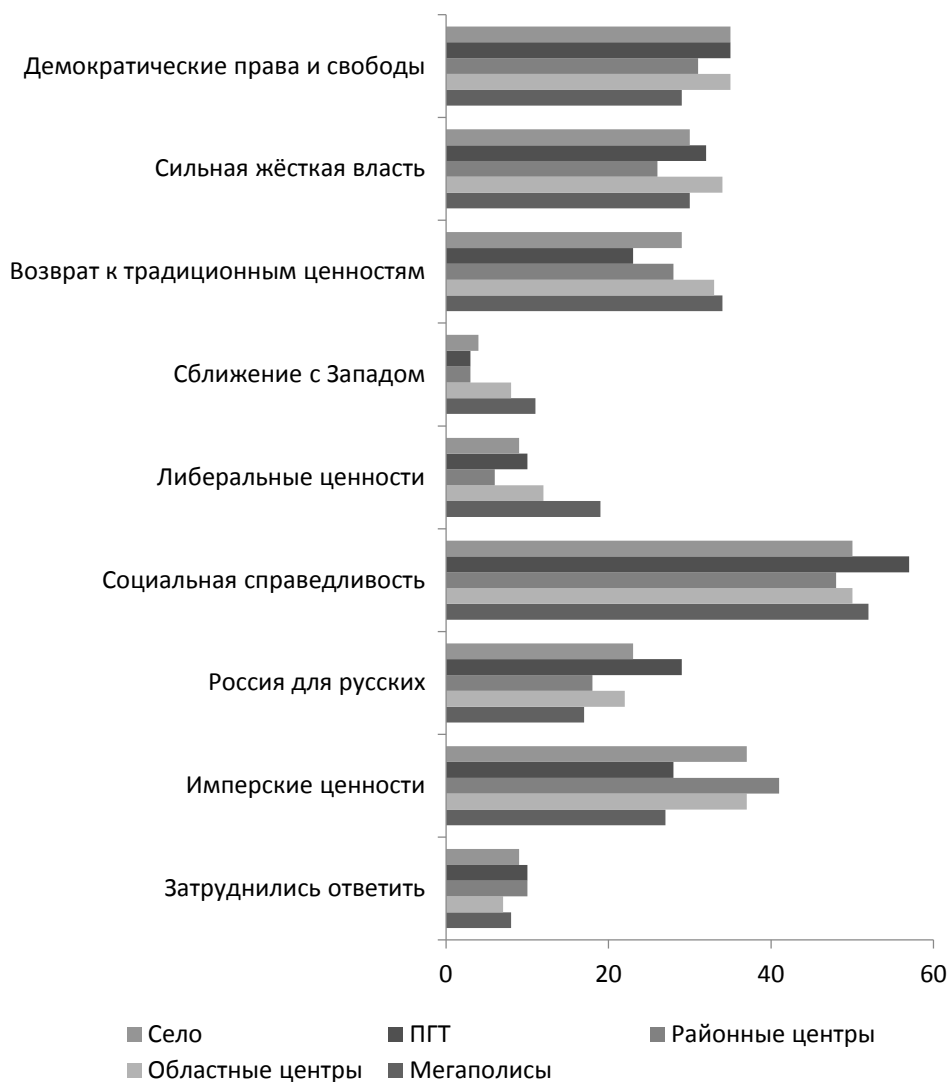

Рис. 5. Какой из перечисленных ниже лозунгов в наибольшей степени выражает Ваши представления о желаемом будущем России?, % от всех опрошенных

Если в том, что касается отношения жителей различных типов поселений к социальной справедливости, демократическим правам и свободам и авторитарной власти существуют небольшие различия, то в отношении к так называемым либеральным ценностям различие между мегаполисом и глубинкой прослеживается достаточно чётко. Либеральные ценности в виде стремления к свободному рынку и сближению с Европой демонстрируют в основном жители мегаполисов, зато «великодержавные» и «имперские» ценности поддерживают в основном жители «глубинки». Но в то же время жители мегаполисов выступают за возврат к национальным традициям, моральным и религиозным ценностям, проверенным временем. В целом, можно сказать, что жители мегаполисов имеют более разнообразные идейные и политические установки (консервативные, демократические, либеральные), а жители провинции — более едины в своих консервативных предпочтениях.

Другой объединяющей жителей мегаполиса и глубинки установкой является нежелание резких перемен и кардинальных реформ. Так, на вопрос, в чём нуждается страна — «в стабильности» или «переменах и новых экономических, политических реформах», примерно две трети жителей независимо от типа поселений ответили, что стабильность сейчас важнее перемен. Но всё-таки следует отметить, что желание стабильности у жителей мегаполисов и глубинки имеет разную подоплёку. В известной степени сложилось ценностно-пространственное равновесие: жители мегаполиса стремятся к стабильности на основе либеральных, рыночных ценностей, а жители глубинки — на коллективистской, уравнилельной основе. Но вряд ли подобное равновесие можно назвать устойчивым, поскольку оно не сплачивает общество, а напротив, разъединяет его. Жители разных типов поселений убеждены в правильности того образа жизни, который они ведут. И дело здесь не только в пресловутом провинциализме одних и снобизме других, сколько в отсутствии устойчивого общего ценностного пространства, способного снимать противоречия, сдерживать политизацию публичной сферы — культуры, образования, религии и др. Глубокие различия в ценностных ориентациях жителей мегаполиса и глубинки детерминируют идеологические и политические противоречия. Не случайно, например, в антимосковских настроениях присутствует сильная мировоззренческая и политическая составляющая — крайний антилиберализм, антизападничество и иногда — ксенофобия [Росман, 2014: 52].

Подтверждением тому служат другие парные суждения, которые дают возможность сравнить ценностные ориентиры жителей различных типов поселений в разрезе их отношения к экономической, политической и личной свободе. И здесь мы видим, например, что относительная независимость сельчан по сравнению с жителями малых и средних городов обусловлена именно спецификой жизни на селе, а рост удовлетворённости условиями жизни — не увеличением собственного социально-экономического потенциала, а ростом оказываемой со стороны государства поддержки. Прежде всего,

это проявляется в оценках способности самостоятельно обеспечить себя и свою семью. Если среди жителей мегаполисов такую способность демонстрируют 52%, то среди жителей села – всего 40%, соответственно 60% из них высказывают невозможность прожить без поддержки со стороны государства. Динамичность современной жизни больше всего востребована также жителями мегаполисов и меньше всего – жителями посёлков городского типа. Личная активность и предприимчивость жителей мегаполиса и посёлков городского типа (58%) противостоит фатализму сельчан (56%). Значение конкуренции, предприимчивости и активного отстаивания своих прав высоко оценивают, прежде всего, жители областных центров (79%). В то время как приверженцами традиционных ценностей являются сельчане (54%), они также меньше жителей других типов поселений готовы жертвовать своими интересами ради общего блага (69%). Для жителей мегаполисов важно ощущение личной свободы (83%), в то время как провинциалам «достаточно» той свободы, которая гарантируется существующими институтами (от 57% жителей посёлков городского типа до 65% сельчан).

Ценностные ориентации являются значимыми факторами территориального развития. Экстериоризация ценностей, идеалов, образцов поведения – это одновременно их реализация и конструирование. А в моделях «мегаполиса» и «глубинки» – это ещё и различные рамки, фреймы, посредством которых индивидуальные и коллективные акторы воспринимают и интерпретируют окружающий их мир с целью планирования социального действия, мобилизации для этого людских и материальных ресурсов, оценки противостоящих им сил и т. д. [Яницкий, 2013: 50]. Так, половина жителей мегаполисов уверены, что люди в последнее время стали более активными, целеустремлёнными, инициативными, среди жителей областных центров таковых оказалось – 38%, районных центров – 34%, посёлков городского типа – 29%, села – 30%. Жители мегаполисов более оптимистично оценивают готовность людей помогать друг другу, бескорыстие, патриотизм, способность к сотрудничеству, межличностное доверие. Всё это проявляется в оценках уровня ответственности россиян за то, что происходит вокруг, в стране в целом. В том, что уровень ответственности россиян за последние годы в целом повысился, уверены 18% жителей мегаполиса и только 6% жителей села.

Таким образом, современное российское общество отличается своей противоречивостью, социальной и территориальной дифференциацией, что обуславливает «наполнение» социального пространства разнообразием ценностно-ориентационных систем, культурных стилей, жизненных форм, коммуникативных действий

социальных субъектов. Более того, имеет место своего рода локализация ценностей в социальном пространстве и времени. Рассмотренные модели «мегаполиса» и «глубинки» позволяют выявить ценности как объединяющие, так и разделяющие россиян, к тому же находящиеся в сложном и противоречивом взаимодействии и постоянной динамике. Если социальное пространство выражает структурность социальной реальности, порядок сосуществования социальных явлений, процессов, институтов, взаимодействия социальных субъектов, то время характеризует подвижность социальной реальности, длительность, сменяющуюся последовательность социальных событий и состояний, ритмичность и упорядоченность происходящих в обществе изменений [Устойчивое развитие..., 2011: 43].

Большинство россиян едины в своём стремлении к социальной справедливости и стабильности. В то же время жителей мегаполиса отличает более выраженная ориентация на индивидуальные, рациональные, активистские ценности, а жителей глубинки, напротив, — на коллективистские, нормативные, патерналистские. Ценностная структура мегаполиса также отличается своим разнообразием, одновременным присутствием ценностей и установок либеральной, консервативной и социал-демократической направленности, что предполагает возможность выбора и, следовательно, большей индивидуальной свободы. Если мегаполисы концентрируют ресурсы для выработки новых ориентиров, в известной степени формируя в настоящем ценности будущего, то глубинка обеспечивает их устойчивость и преемственность, и лишь баланс этих двух противоположностей гарантирует динамичность и преемственность социального развития. Главное — чтобы ценностные различия между типами поселений играли не деструктивную, а созидательную роль, обеспечивая единство и устойчивое развитие российского общества.

Список литературы

Бурдые П. Социология политики / Сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993. — 336 с.

Зубаревич Н. Модернизация и российское пространство // Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2011 г. / под ред. А. А. Аузана и С. Н. Бобылева. М.: ПРООН в РФ, 2011. — С. 130–141.

Ильин В. И. Глубинка как социологическая категория // Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса «Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие» [Электронный ресурс] // Российское общество социологов URL: <http://www.ssa-rss.ru/files/File/congress2012/part75.pdf> (дата обращения: 25.07.2012).

Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. — 462 с.

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 606 с.

Мудрик А. В. Социальная педагогика: Учеб. для студ. пед. вузов / под ред. В. А. Сластенина. М.: Издательский центр «Академия», 2000. – 192 с.

Муханова М. Н., Жвиташвили А. Ш. и др. Российское село: Социально-структурные процессы от прошлого к настоящему. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. – 304 с.

Россия регионов: в каком социальном пространстве мы живём? / Независимый институт социальной политики. М.: Поматур, 2005. – 277 с.

Росман В. В поисках Четвёртого Рима: Российские дебаты о переносе столицы. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2014. – 288 с.

Устойчивое развитие и социально-экологические параметры качества жизни / под ред. А. И. Зеленкова. Минск: БГУ, 2011. – 292 с.

Яницкий О. Н. Социальные движения: теория, практика, перспектива. М.: Новый хронограф, 2013. – 360 с.

Changing Values and Beliefs in 85 Countries: Trends from the Values Surveys from 1981 to 2004. Leiden: Brill, 2008. – 274 p.

Giddens A. Central Problems in Social Theory. Action, Structure, and Contradiction in Social Analysis. London: MacMillan, 1979. – 294 p.

Feldman S. Values, Ideology, and Structure of Political Attitudes // Oxford Handbook of Political Psychology. 2003. – 480 p.

Rokeach M. Understanding Human Values: Individual and Societal. NY: The Free Press, 1979. – 230 p.

«Megalopolis» and «Remote Place» as Models of Value Orientations and Political Attitudes of Russians

The study was conducted within the project “Civic activism: the new subjects of social and political action” (2014) with the support of non-profit foundation - the Institute for Socio-Economic and Political Studies.

Trofimova Irina Nikolaeвна

Doctor of Political Sciences, Leading staff scientist, Institute of Sociology of Russian Academy of sciences. Krzhizhanovskogo str., 24/35, build 5, 117218, Moscow, Russia. E-mail: itnmv@mail.ru

Abstract. This paper studies the settlement-type factor that affects the formation of value orientations and related political attitudes of Russians. There is a deep intersettlement differentiation in modern Russia. The typology of settlements takes into account not only the structural elements but also their level of development. The agglomeration of Moscow and Saint Petersburg are at the top of the hierarchical system of settlements. The dissemination of innovations in the social space of Russia derives from the largest and most developed to the less developed types of communities. Different types of settlements determine the specificity of value orientations, which the current article discusses as models of “megalopolis” and “remote place”. These models detect unifying and dividing values that are located in the complex and contradictory interaction and dynamics. The majority of Russians are united in their quest for social justice and stability. At the same time, the residents of the metropolis have a more pronounced focus on the individual, rational, and activist values, whereas the residents of the provinces have collectivist, regulatory, and paternalistic values. In addition, the value structure of the residents of the metropolis is characterised by its diversity, simultaneous presence of the values and attitudes of the liberal, conservative and social-democratic orientation, the possibility of choice and, consequently, greater individual freedom. Megacities concentrate resources to develop new guidelines to form the value of the future, whereas the province provides stability and continuity. A balance between these two opposites can ensure dynamism and the continuity of social development.

Keywords: settlement factor, settlement types, values orientation, political attitudes, models.

REFERENCES

Burd'e P. Sotsiologiya politiki. [*Sociology of Politics*]. / Sost., obshch. red. i predisl. N. A. Shmatko. M.: Socio-Logos, 1993. — 336 s. (Russ. ed.).

Zubarevich N. Modernizatsiya i rossiiskoe prostranstvo. Doklad o razvitiy chelovecheskogo potentsiala v Rossiiskoi Federatsii za 2011 g. [*Modernization and the Russian space. Report on Human Development in the Russian Federation in 2011*]. Pod red. A. A. Auzana i S. N. Bobyleva. M.: PROON v RF, 2011. — S. 130–141. (In Russ.).

Il'in V. I. Glubinka kak sotsiologicheskaya kategoriya. [*Backwoods as a sociological category*]. J. Materialy IV Ocherednogo Vserossiiskogo sotsiologicheskogo kongressa «Sotsiologiya i obshchestvo: global'nye vyzovy i regional'noe razvitiye». [Elektronnyi resurs]. Rossiiskoe obshchestvo sotsiologov URL: <http://www.ssa-rss.ru/files/File/congress2012/part75.pdf> (data obrashcheniya: 25.07.2012). (In Russ.).

Inglkharth R., Vel'tsel' K. Modernizatsiya, kul'turnye izmeneniya i demokratiya. Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya. [*Modernization, Cultural Change and Democracy. Sequence of human development*]. M.: Novoe izdatel'stvo, 2011. — 462 s. (Russ. ed.).

Kastel's M. Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo, kul'tura. [*The Information Age: Economy, Society, Culture*]. M.: GU VShE, 2000. — 606 s. (Russ. ed.).

Mudrik A. V. Sotsial'naya pedagogika: Ucheb. dlya stud. ped. vuzov. [*Social pedagogy*]. Pod red. V. A. Slastenina. M.: Izdatel'skii tsentr «Akademiya», 2000. — 192 s. (In Russ.).

Mukhanova M. N., Zhvitiashvili A. Sh. i dr. Rossiiskoe selo: Sotsial'no-strukturnye protsessy ot proshlogo k nastoyashchemu. [*Russian village: Socio-structural processes from past to present*]. M.: Knizhnyi dom «LIBROKOM», 2014. — 304 s. (In Russ.).

Rossiya regionov: v kakom sotsial'nom prostranstve my zhivem? [*Russian regions: the social space in which we live?*]. J. Nezavisimiy institut sotsial'noi politiki. M.: Pomatur, 2005. — 277 s. (In Russ.).

Rossman V. V poiskakh Chetvertogo Rima: Rossiiskie debaty o perенose stolitsy. [*In Search of the Fourth Rome: Russian debate on the transfer of the capital*]. M.: Izd. dom NIU VShE, 2014. — 288 s. (In Russ.).

Ustoichivoe razvitie i sotsial'no-ekologicheskie parametry kachestva zhizni. [*Sustainable development and social and environmental quality of life parameters*]. Pod red. A. I. Zelenkova. Minsk: BGU, 2011. – 292 s. (In Russ.).

Yanitskii O. N. Sotsial'nye dvizheniya: teoriya, praktika, perspektiva. [*Social movements: theory, practice, perspective*]. M.: Novyi khronograf, 2013. – 360 s. (In Russ.).

Changing Values and Beliefs in 85 Countries: Trends from the Values Surveys from 1981 to 2004. Leiden: Brill, 2008. – 274 p.

Giddens A. Central Problems in Social Theory. Action, Structure, and Contradiction in Social Analysis. London: MacMillan, 1979. – 294 p.

Feldman S. Values, Ideology, and Structure of Political Attitudes. J. Oxford Handbook of Political Psychology. 2003. – 480 p.

Rokeach M. Understanding Human Values: Individual and Societal. NY: The Free Press, 1979. – 230 p.

